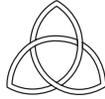

NORTHMEN

THE VIKING SAGA
793–1241 AD

JOHN HAYWOOD

ЛЮДИ СЕВЕРА

ИСТОРИЯ ВИКИНГОВ
793–1241

ДЖОН ХЕЙВУД

Перевод с английского
2-е издание, дополненное и исправленное

Москва
2019

УДК 94(368)
ББК 63.3(4)4
Х35

Переводчик Николай Мезин
Научный редактор Денис Сухино-Хоменко
Редактор Наталья Нарциссова

Хейвуд Дж.

Х35 Люди Севера: История викингов, 793–1241 / Джон Хейвуд ; Пер. с англ. — 2-е изд., доп. и испр. — М.: Альпина нон-фикшн, 2019. — 452 с. + 8 с. вкл.

ISBN 978-5-00139-000-8

Цивилизация викингов — уникальное явление в истории. Не было до них европейцев, которые бы так широко раздвинули границы своего мира. Их завоевательные походы, поиски новых земель и легендарная отвага привлекают наше внимание спустя много веков. Книга Джона Хейвуда — увлекательная история древних скандинавов, а также рассказ об их мифологии, согласно которой путь людей Севера начался в Асгарде при сотворении мира.

Автор помещает эту цивилизацию в широкий исторический контекст, от ее языческих корней и до интеграции в христианскую Европу. Такой подход помогает увидеть, что в разных странах эпоха викингов пришлась на разные периоды. Это был особый мир, родившийся в первые века нашей эры в Западной Европе, а окончательно исчезнувший лишь в XV в. в Гренландии.

УДК 94(368)
ББК 63.3(4)4

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-00139-000-8 (рус.)
ISBN 9781781855232 (англ.)

First published in 2015 by Head of Zeus Ltd
© John Haywood, 2015
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Карты	7
Предисловие	13
Введение	17
1 Фуле, Ньюдам и Старая Уппсала <i>Происхождение викингов</i>	27
2 Линдисфарн, Этелни и Йорк <i>Викинги в Англии, 789–954</i>	67
3 Дорестада, Париж и Руан <i>Викинги во Франкии, 799–939</i>	109
4 Айона, Данкелд и Оркнейские острова <i>Викинги в Шотландии, 795–1064</i>	147
5 Дублин и Кашел <i>Викинги в Ирландии, 795–1014</i>	179
6 Севилья и Луна <i>Викинги в Испании и Средиземноморье, 844–861</i>	213
7 Киев, Константинополь и Булгария <i>Викинги в Восточной Европе до 1041 г.</i>	225
8 Тингвеллир, Браттахлид и Л'Анс-о-Медоуз <i>Скандинавы в Северной Атлантике, 835–1000</i>	267
9 Мэддон, Лондон и Стэмфорд-Бридж <i>Возвращение викингов в Англию, 978–1085</i>	311

10 Хедебю, Еллинг и Стикластадир <i>Скандинавские королевства до 1100 г.</i>	339
11 Палермо, Иерусалим и Таллин <i>Из викингов в крестоносцы</i>	391
12 Ларгс, Рейкхольт и Хвалси <i>Закат викингов</i>	407
Хронология	437
Норманнские короли и правители ок. 800–1100 гг.	443
Список иллюстраций	449

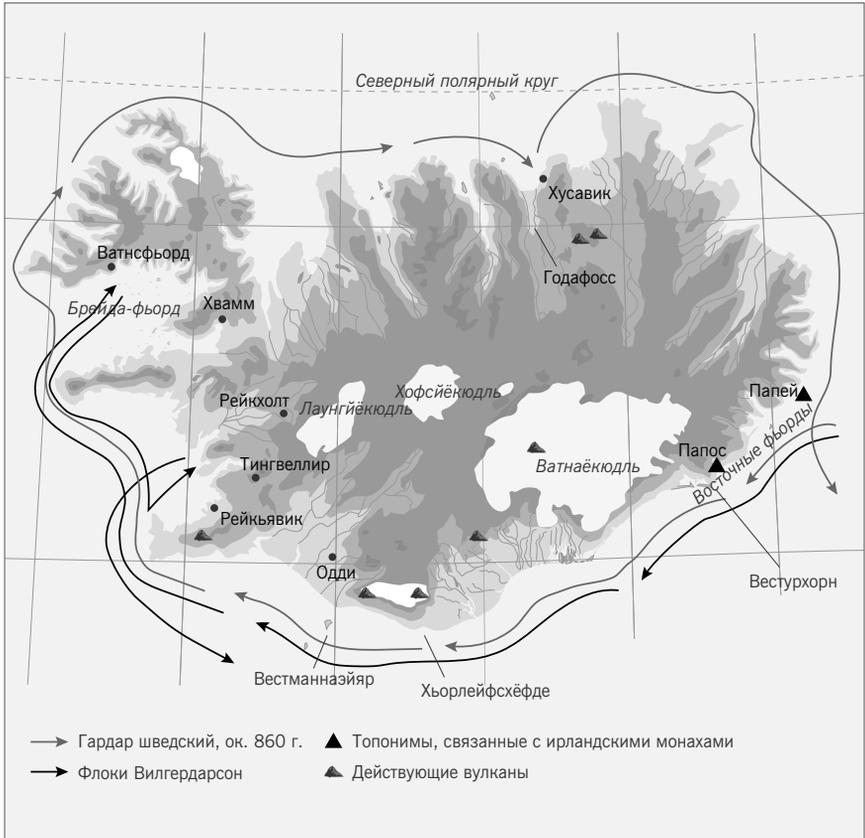
СКАНДИНАВИЯ

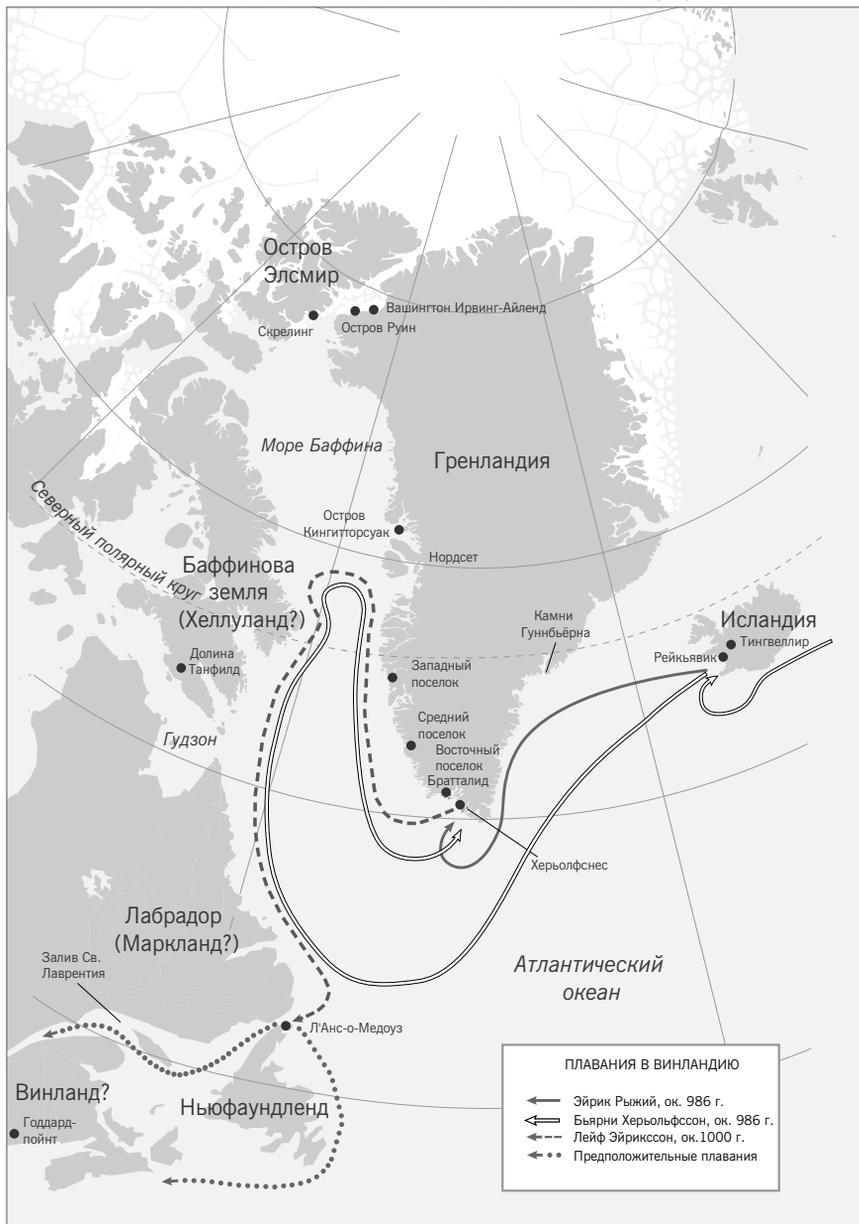
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ОК. 800 Г.

ИСЛАНДИЯ

ПЛАВАНИЯ В ВИНЛАНД

ПУТИ ПРОДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОК

ПРЕДИСЛОВИЕ

КАК МЕНЯЛИСЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВИКИНГАХ

Но истине уникальным явлением европейской истории викингов сделали не технологические, военные или культурные новации — во многих отношениях это были малоразвитые народы, и даже технологии судостроения у них были архаичными, — а то, как широко они раздвинули границы своего мира. Не было до них европейцев, которые повидали бы так много чужих стран. От родной Скандинавии викинги совершили плавание на восток по великим рекам России и дошли, переплыв Черное и Каспийское моря, до Константинополя и Багдада. На западе освоили все побережье Западной Европы, основав колонии в Шотландии, Англии, Ирландии и Франции. Вторгались они и в Средиземноморье, высаживаясь на берегах Италии и Северной Африки. А параллельно с этим пересекли Атлантику, по пути заложив поселения на Фарерах, в Исландии и Гренландии, и стали первыми, насколько мы сегодня знаем, европейцами, ступившими

на землю Северной Америки. Именно эти далекие путешествия и отвага первопроходцев привлекают наше внимание к викингам спустя столько веков.

В разные времена к ним относились по-разному. Главными летописцами средневековой Европы были монахи, а поскольку они часто становились жертвами викингов, то много писали о чинившихся ими грабежах, разорении городов и захвате пленников (не особо распространяясь об изнасилованиях, видимо, потому, что для них, мужчин, хотя бы в этом смысле викинги не представляли опасности). Дикими варварами, сродни вандалам и готам, разграбившим античный Рим, норманны оставались до XIX в., когда наступила эпоха национального романтизма. Именно тогда средневековый образ викингов — непобедимых морских разбойников — получил новую трактовку. Превратившись в европейское захолустье, скандинавские королевства утратили влияние на международной арене и не принимали участия в построении империй, которым занялись Великобритания и Франция. В результате у скандинавов возникло непреодолимое искушение обратиться к героической эпохе, когда они правили миром. Именно тогда смысл слова «викинг» изменился. Средневековые авторы, используя его, подразумевали всякого, кто занимается морским грабежом, то есть пирата, и вовсе не обязательно скандинавского. Считается, что этимологически «викинг» — это «человек из бухты», возможно, потому, что именно в бухтах разбойники прятались, подстерегая торговые суда. Однако под влиянием национального романтизма слово «викинги» стало синонимом «скандинавов раннего Средневековья», и такое употребление закрепилось. Тогда же викингов «оснастили» варварскими рогатыми шлемами, что выглядит романтично, однако исторически недостоверно (заблуждение родилось из-за неверной атрибуции шлемов бронзового века как викингских). И эти шлемы также закрепились в массовом сознании.

Во второй половине XX в. этот воинственный образ подвергся пересмотру. Археологи обнаружили, что у викингов

были и мирные занятия — ремесла, торговля, географические исследования, колонизация, — что позволило лучше представить образ жизни этих людей. Вместе с тем возникла тенденция преуменьшать их жестокость, считая описания монахов-хронистов преувеличением. Отчасти это было гиперреакцией на устоявшееся представление, но, кроме того, после двух кровопролитных мировых войн ни завоевания, ни строительство империй больше не казались европейцам героическими деяниями. И все же эпоха викингов была полна насилия: их торговля питалась военными трофеями, особенно пленниками, а основанию мирных колоний предшествовали кровавые завоевания. Эта книга не претендует на то, чтобы нарисовать всеобъемлющую картину жизни викингов: здесь почти не рассказывается об их достижениях в искусстве, о быте или, например, о положении женщин. Ее цель — поместить норманнов в широкий географический и исторический контекст, начиная от их доисторических языческих корней и до интеграции в христианскую Европу. Этот подход помогает увидеть, что эпоха викингов в разных странах началась и окончилась в разное время. В англоговорящем мире ее принято отсчитывать примерно от 793 г. (разграбление Линдисфарна) и заканчивать 1066 г. (битва при Стэмфорд-Бридж), но история не столь скрупулезна. В Скандинавии и Балтии эпоха викингов началась на добрую сотню лет раньше и в ряде отношений длилась еще на век дольше. На островах Шотландии последнее упоминаемое хрониками нападение норманнов произошло в 1240 г. В исландских и гренландских колониях государственные структуры и общественные институты эпохи викингов жили еще в XIII в. Викинги не явились ниоткуда, и закат их цивилизации был долгим. Это длинный путь, начавшийся в Асгарде при сотворении мира и окончившийся свадьбой в Гренландии в XV в.

ВВЕДЕНИЕ

АСГАРД

МИРОВОСПРИЯТИЕ ВИКИНГОВ

*Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.*

*Глупый надеется
смерти не встретить,
коль битв избегает;
но старость настанет —
никто от нее
не същет защиты*.*

Речи Высокого

В эпоху викингов обычный удел скандинава был таков: тяжелый труд на земле, постоянно подстерегающие опасности и смерть на четвертом или пятом десятке. Того, кто решил стать викингом в буквальном смысле этого слова, то есть пиратом, смерть зачастую наступала еще раньше. Опасность утонуть в море была повседневной реальностью для каждого: в непогоду хрупкие скандинавские суда шли на дно или в щепки разбивались о скалы. Купцы по-

* Пер. А. Корсуна.

стоянно рисковали подвергнуться нападению морских разбойников, а на каждого викинга, вернувшегося домой с мешком серебра или добывшего себе надел земли на завоеванных территориях, приходился по меньшей мере еще один, изрубленный на куски в битве или умерший от болезни в зимнем лагере. Ясно, что в стремлении стяжать добро, землю и славу викинги охотно шли на отчаянный риск. Идеология этого дерзкого и предприимчивого сообщества всячески порицала уклонение от опасности. Мир, в котором жили древние скандинавы-язычники, не предполагал стремления к какой-либо высокой цели, и если людей и вправду создали боги, они сделали это лишь для собственной выгоды: чтобы было кому приносить им жертвы. Если человеческая жизнь в этом мире могла иметь какой-то смысл, то лишь тот, который ты придашь ей сам, совершив деяния, за которые тебя будут помнить.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Скандинавы считали, что в центре Вселенной находится исполинский вечнозеленый ясень Иггдрасиль, ветви которого объемлют небеса и соединяют миры богов, ледяных великанов-ётунов, огненных гигантов, эльфов, гномов, людей и царство мертвых. О происхождении Иггдрасиля и его будущности в мифах ничего не сказано, его существование разумелось само собой и полагалось, по-видимому, вечным. Однако при этом Иггдрасиль не упоминается в скандинавской космогонии, где мир творится в результате взаимодействия враждебных друг другу сил. В начале времен было всего два мира: огненный Муспелль на юге и ледяной Нифльхейм на севере. Между ними лежала зияющая бездна Гиннуннгап. Там, где жар Муспелля встречался со льдом Нифльхейма, лед таял и капал. От тепла в каплях пробуждалась жизнь, и они превратились в великана, имя которому было Имир. Пока Имир спал, из пота у него мышкой образовались еще два великана, мужчина и женщина, а одна его нога родила от другой сына. Таким образом Имир положил начало расе ётунов. Лед продолжал таять, и появи-

лась корова. Ее звали Аудхумла. Она насыщалась лизанием соленого льда, а четыре молочные реки, текшие из ее сосцов, питали Имира.

От тепла ее языка изо льда появился еще один великан по имени Бури. Огромный, сильный и прекрасный, он произвел на свет сына по имени Бор: о матери не сообщается ничего, но ею была, по-видимому, ледяная великанша, поскольку тогда в мире только они и жили — не считая Аудхумлы. Бор взял в жены Бестлу, дочь ётуна Бёльторна, и у них родились три сына: Один, Вили и Ве — первые боги. Один с братьями убили Имира и сделали из его тела землю, а из крови — океан и установили над землей его череп, создав таким образом небо. Затем боги поймали несколько искр и горячих углей, вылетевших из Муспелля, и поместили на небо освещать небеса и землю. Также они посадили на небо темную великаншу Нотт (Ночь) и ее прекрасного светлого сына по имени Даг (День), чтобы они друг за другом объезжали мир раз в 24 часа, и прекрасных брата и сестру по имени Мани (Луна) и Сол (Солнце). Теперь по их передвижениям можно было исчислять дни, месяцы и годы.

Боги сотворили мир в виде огромного круга. Область по периферии они отдали великанам. Это страна звалась Ётунхейм, и там великаны строили планы мести за убийство Имира. В середине боги из ресниц Имира построили для защиты от враждебных ётунов крепость, окруженную водами океана. Назвали ее Мидгард, то есть «Срединная земля». Наконец, боги взяли мозг Имира и разбросали по небу — так получились облака. На этом с утилизацией Имира покончили. Гуляя по берегу только что созданного океана, Один, Вили и Ве нашли два древесных ствола и вырезали двух первых людей, назвав мужчину Аск (Ясень), а женщину Эмбла (Вяз), и от этих первых произошло все человечество. Аску и Эмбле отдали на жительство в Мидгард. Создав людей, боги занялись строительством собственного царства — Асгарда — небесного города высоко над Мидгардом, к которому присовокупили огненный радуж-

ный мост Биврёст, соединивший два царства, чтобы боги могли ездить к людям. О том, давно ли, по верованиям викингов, происходили эти события, мифология не сообщает. Как большинство дописьменных народов, викинги не имели точных методов датировки, и любые события, произошедшие не на памяти живущих, вероятно, существовали в некоем подобии Времени сновидений австралийских аборигенов.

АСГАРД, ДОМ БОГОВ

В стенах Асгарда находились десятки восхитительных храмов и дворцов, где боги пировали и держали совет. Один, сидя на троне в Вальскьяльве, чертоге с серебряной крышей, озирает весь мир и каждое утро на заре отправляет своих воронов Хугина и Мунина собирать новости. Как любой норманнский вождь, Один имел личную дружину воинов, эйнхериев, набранную из числа храбрейших героев, павших в бою. Эйнхерии обитали в Вальхалле («чертоге убитых»), огромном дворце с 540 входами, каждый из которых был столь широк, что пропускал 800 воинов, идущих плечом к плечу. Вальхалла сияла золотом, вместо стропил там были копья, а крыша сделана из щитов и лат. Каждое утро эйнхерии покидали свой дворец, чтобы провести день в битве. Вечером убитые чудесным образом исцелялись, и все возвращались в Вальхаллу, чтобы ночь напролет пировать, есть свинину и пить мед. Прислуживали героям валькирии (выбирающие убитых), прекрасные женские божеества, облаченные в броню и носившие щиты и копья. По приказу Одина валькирии слетались на поле боя, чтобы решить, кому достанется победа, и выбрать, кому придется пасть, а храбрейших из павших проводить в Вальхаллу. Там героев встречали чашами хмельного меда, а эйнхерии в их честь громко стучали по столам. Норманнские воины знали, что должны заслужить гостеприимство Одина. Платой за него было участие на стороне Одина в Рагнарёке, великой битве, которая предостояла в конце времен и в которой боги и их непримиримые враги ётуны должны были уничтожить друг друга огнем и по-

топом и разрушить саму Вселенную. После этого начинался новый цикл творения.

МИЛОСТЬ БОГОВ

В скандинавских мифах боги никогда не представляли образцами добродетели, достойной подражания. Они стояли выше человеческой морали и, если нужно, легко лгали и обманывали, особенно в отношениях с великанами. Законы в Скандинавии также не были освящены авторитетом богов: за поддержание общественного порядка отвечали люди, и относились они к этому предельно серьезно, несмотря на те бесчинства, что творили в чужих землях. Среди богов лишь Один обладал мудростью. Он принес людям знание рун, поэзию, ярость берсерков и опасную магию под названием сейд, наделявшую даром предвидения и другими, более зловещими способностями. Мудрость Одина записана в «Речах Высокого» — созданном в эпоху викингов анонимном собрании афористичных стихов, которые приписываются Одину и сохранились в единственном исландском манускрипте XIII в. «Речи Высокого» не затрагивают метафизических материй, они целиком посвящены прагматичной житейской мудрости, ценимой практичными людьми. Заводи друзей, не воспринимай радушие как должное и отдавай полученные дары. Не ссорься без нужды, не затевай драки по глупости. В походе держи оружие под рукой. Не пей много пива и меда, они отнимают разум. Если не знаешь предмета беседы, молчи: слушать полезнее. Будь осмотрителен в делах и всегда опасайся обмана. Сам всегда будь честен, но только не с врагами: их, если сумеешь, обманывай. Советы подчас бывают противоречивы. Автор «Речей» порицает труса, который думает, что, избежав схватки, будет жить вечно, но в то же время заявляет: лучше быть живым псом, чем мертвым львом.

Как и все доиндустриальные аграрные общества, скандинавы были беззащитны перед превратностями стихий и в борьбе за выживание уповали на помощь богов. Тех нужно было уми-

лостивить, и в этом помогали только молитва и жертвы. Главной культовой практикой были праздники с жертвоприношениями, называвшиеся блот (приношение крови), которые устраивались осенью, в середине зимы и весной. В скандинавском язычестве не было жрецов, поэтому совершал жертвоприношения местный король или вождь. Чаще всего на алтарь приносили свиней и лошадей. Кровь жертвенных животных, которую разбрызгивали на идолов, на стены святилищ и участников праздника, как считалось, укрепляла и людей, и богов. Мясо животных после этого варили в огромных котлах и съедали на священном пиру, где, по верованиям скандинавов, присутствовали и боги. Возносились молитвы и провозглашались тосты за плодородие, здоровье и процветание. Иногда практиковались и человеческие жертвоприношения (обычно путем удушения), особенно в честь Одина, который пожертвовал собой, провисев девять дней на Иггдрасиле, чтобы познать тайну рун.

Хладнокровный и расчетливый Один особенно почитался королями, воинами и поэтами, но его скорее боялись, нежели любили. А самым популярным богом был, вероятно, сын Одина, могущественный Тор. Он был довольно вспыльчив и не особенно сообразителен — в большинстве сюжетов о Торе присутствует ирония по поводу его ограниченности и грубой силы, — но зато дружелюбен по отношению к людям. Тор защитил людей от великанов, желавших хаоса, разбив тем головы волшебным молотом Мьельниром. Крестьяне и мореходы молили Тора о хорошей погоде. Путешественники носили миниатюрные молоты как защитный амулет, подобно тому как христиане — образки святого Христофора.

Бог плодородия Фрейр управлял солнцем и дождем, и ему молились и приносили жертвы те, кто хотел мира и хорошего урожая.

Из женских божеств самыми популярными, вероятно, были сестра Фрейра Фрейя, богиня сладострастия и любви, и жена Одина Фригг, которую призывали женщины в родах. Жертвы приносили также дисам, безымянным сверхъестественным

существам, связанным с плодородием и смертью. Дисы могли споспешествовать в деторождении, и у каждой семьи была своя диса-защитница. Однако, если их прогневать, дисы становились опасны, так что раз в году их умилоствивляли жертвами на празднике, называвшемся дисаблот, который в Норвегии и Дании устраивали в начале зимы, а в Швеции — в конце. Случалось, кровавыми жертвоприношениями задабривали и эльфов, так как и они могли досадить человеку множеством способов.

СЛАВА — ЕДИНСТВЕННОЕ НАСТОЯЩЕЕ ПОСМЕРТИЕ

Обещание Вальгаллы не означало, что викинги были безрассудны в бою. Да, оно могло утешить воина, встретившего на поле боя смерть, но чего викинги хотели на самом деле, так это жить и пользоваться плодами победы. Только для берсерков, фанатичных приверженцев Одина, гибель в сражении бывала действительно желанна. Перед боем берсерки, воя и кусая щит, вводили себя в яростное исступление (*berserksgangr*, что означает «становиться берсерком»), в котором делались нечувствительны к боли и ранам. Берсерки не носили доспехов, и такое пренебрежение собственной безопасностью устрашало противника, однако большинство из них неизбежно находили свою смерть, которой так жаждали.

За исключением Вальгаллы, в остальном скандинавские представления о загробной жизни были довольно туманными и мрачными. Распространенная практика погребения вместе с умершим даров и принесенных в жертву животных и даже рабов подсказывает, что скандинавы представляли загробную жизнь похожей на земную, вплоть до сохранения социальных различий, и что умершие для них оставались рядом, некими призрачными сущностями, обитающими в могилах. Наряду с этим бытовало поверье, что умершие от болезни и старости, то есть почти все, попадают в наполненный ледяным туманом Нифльхейм, где их ждет безрадостное посмертие и дележ скудной снеди, раздаваемой разлагающейся богиней Хель. Души

незамужних дев забирала Фрейя, которая помещала их в своем дворце Фолькванге: Один разрешил ей забирать туда же часть его воинов, чтобы девы не скучали в одиночестве. Души утопленников собирала Ран и доставляла на остров Хлесеи во дворец своего мужа, бога Эгира («Море»). Проводившим загробную жизнь у Эгира повезло по крайней мере в том, что среди богов он был лучшим пивоваром.

Возможно, как следствие христианского влияния в эпоху викингов в скандинавском язычестве возникла концепция посмертного воздаяния, хотя в виде судилища без судьи. Души праведных попадали в Гимле, дворец с золотой крышей в Асгарде, или в другой гостеприимный чертог, Синдри, в горах Нидафьель в подземном царстве. Клятвопреступники и убийцы принимали заслуженные страдания в Настрандире («Берег мертвых»), страшном дворце в Нифльхейме, построенном из переплетающихся змей, каплющих ядом. Самые черные души низвергались в Хвергельмир, колодец в подземном царстве, где их пожирал змей Нидхёгг, трупоед. Для большинства людей варианты посмертного жребия не обещали ничего такого, что было бы лучше их земного существования: даже самым славным воинам предстояло сгинуть в битве, которой им не суждено было выиграть, так что разумнее всего было жить сегодняшним днем.

Сознание конечности всего, даже богов и посмертной жизни, формировало у скандинавов фаталистический взгляд на жизнь и безразличие к смерти. Считалось, что воин должен встречать ее пожатием плеч и мрачной усмешкой, чтобы показать, что он сохранил самообладание и не поддается страху. Жизнь не стоила того, чтобы за нее особенно цепляться, и, если выпало погибнуть, ты все равно не мог ничего с этим поделать.

Язычники-скандинавы верили, что при рождении каждого человека присутствуют норны — женские божества, определяющие его судьбу. Предуказание судьбы выглядело как сучение пряжи или нанесение зарубок на дерево, и раз указанную судьбу изменить было невозможно. Норны были выс-

шей силой во Вселенной, и даже боги не смели оспаривать их приговор. В иных культурах подобные воззрения могут воспитывать апатию. В Скандинавии, однако, они питали дух авантюризма и предприимчивости, без которых никогда не случилось бы эпохи викингов. Добрую или злую, норны предписывали судьбу человека, но они не могли предписать, как он примет свою участь. Человек мог осторожничать и избегать малейшей опасности, но это не уберегало от рока: в назначенный час он умирал, в уютной ли постели или в гуще сражения. Человек, понимавший и принимавший такую картину мира, сознавал, что, идя на риск, мало что теряет. Смерть приходит к каждому, а все, что остается от человека, — это слава, которая, таким образом, куда важнее жизни. Когда викинг насмерть стоял за своего господина и товарищей, он делал это не потому, что хотел попасть в Вальхаллу, а чтобы оградить свою честь от малейших подозрений в трусости. Человек без чести становился нидингом, в буквальном смысле никем, его забывали — и поделом — даже родные. Тот, кто не рисковал ничем, достигал меньше, чем ничего. Лучше было проявлять храбрость и стяжать славу, богатство и почести дальними опасными походами и подвигами на поле брани. Тогда можно было умереть спокойно, зная, что и в следующих поколениях скальды (придворные поэты) будут петь тебе хвалу за пиршественным столом: вот единственная несомненная посмертная жизнь, на какую стоило надеяться.

ФУЛЕ, НЮДАМ И СТАРАЯ УППСАЛА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИКИНГОВ

Эпоха норманнских вторжений стала итогом нескольких веков общественного и политического развития, создавших в Скандинавии агрессивное и хищническое общество. Викинги не появились неведь откуда в конце VIII в., хотя именно так могло казаться их перепуганным и потрясенным жертвам. Но в остальной Европе эту эволюцию едва ли заметили, и не только по причине географической отдаленности. Глубокое культурное предубеждение образованного греко-римского мира против «варваров» означало, что народы Северной Европы почти не изучались и редко становились предметом описания. Предубеждение сохранилось до христианской эпохи, когда скандинавов стали порицать не только как варваров, но и как язычников. А поскольку книжная культура в Скандинавии вполне сформировалась только после прихода христианства, на закате эпохи викингов, то о предпосылках этой эпохи письменных свиде-

тельств почти не осталось: доисторический период в Скандинавии получился долгим.

ПЛАВАНИЕ ПИФЕЯ НА ОСТРОВ ФУЛЕ

Первым автором, описавшим посещение Скандинавии, был греческий путешественник Пифей из Массалии, который совершил плавание по северным морям около 320 г. до н. э. Вернувшись, он опубликовал путевые записки под названием «Об океане». Увы, это сочинение до нас не дошло и сегодня известно лишь по цитатам, приведенным у более поздних греческих и латинских авторов. Эти цитаты показывают, что Пифей был не чужд наук и вычислял широту посещаемых мест по высоте солнца над горизонтом в полдень и по продолжительности дня. Современники, однако, считали, что Пифей выдумал свои приключения, настолько фантастичным казался его рассказ.

Родной город Пифея, Массалию (современный Марсель), основали в 600 г. до н. э. греки из Фокеи. Закрытая удобная бухта не могла не привлечь мореплавателей, к тому же недалеко находилась долина Роны, которая в те времена была важным торговым путем, по которому в Средиземноморье везли британское олово и балтийский янтарь. Фокейцы славились как самые предприимчивые из греческих мореходов. Вскоре после основания Массалии они отправились за знаменитые Геркулесовы столпы — Гибралтарский пролив — в Атлантику налаживать торговые связи с иберийским царством Тартесс, которое изобиловало рудами. По легенде, один из этих греков, Мидакрит, уплыл еще дальше и вернулся в Массалию с грузом британского олова. Где-то около 500 г. до н. э. выход в Атлантику фокейцам закрыли: Геркулесовы столпы захватил Карфаген, могущественный город на побережье Северной Африки. Карфаген жил торговлей и не собирался терпеть чужих купцов на своих морских дорогах. Таким образом, целью Пифея был, скорее всего, поиск новых торговых путей через области, не подвластные Карфагену.

Выйдя из Массалии, Пифей, вероятно, обошел земли враждебного Карфагена по суше и добрался до побережья Бискайского залива, где арендовал у одного из местных кельтских племен корабль до Британии. Особенно славились крепкими парусными кораблями бретонские венеты, которые активно возили на них олово с Британских островов. Пифей высадился на мысе Белерион (ныне Лэндс-Энд) и прошел всю Британию. Дотоле знания об этом острове у греков основывались на легендах и молве. Пифей первым добыл достоверные факты. Его оценка длины побережья острова в 40 000 стадиев (то есть приблизительно 7400 км) удивительно близка к реальной цифре, которая составляет около 7560 км. Следующий этап путешествия увел Пифея далеко за границы известного мира. Отплыв с какого-то из островов у северного побережья Британии, он на шестой день пути достиг земли, которую называет Фуле. Его свидетельство о том, что солнце там в середине лета скрывается за горизонтом всего на два-три часа, позволяет определить местонахождение Фуле на 64° северной широты. Однако Пифей не располагал методами определения долготы. Очевидно, что Фуле находилась где-то далеко на севере, но где именно? Невозможность определить точное местонахождение сделала ее скорее символом самых дальних северных земель, чем реальным объектом.

Эту землю пытались отождествить и с Исландией, и даже с Гренландией, но, как ясно показывает комментарий греческого географа Страбона (63–64 гг. до н. э. — 24 г. н. э.), Фуле населяли земледельческие народы:

«[Пифей], по-видимому, достаточно хорошо использовал бывшие в его распоряжении факты в отношении людей, живущих вблизи холодного пояса, говоря о крайней скудности и недостатке домашних животных и плодов, о том, что люди, живущие там, питаются просом и другими злаками, плодами и кореньями; а где есть хлеб и мед, там из них готовится и напиток. Что касается хлеба, говорит он, то,

так как у них не бывает ясных солнечных дней, они молотят хлеб в больших амбарах, свозя его туда в колосьях; ибо молотильный ток они не употребляют из-за недостатка солнечных дней и из-за дождей».

Страбон. География, кн. IV, 5.5*

Гренландию в те времена только начали осваивать охотники-собиратели иннуиты, а Исландия оставалась безлюдна, поэтому ни та ни другая на роль Фуле не подходит. А значит, высадился Пифей, скорее всего, где-то неподалеку от Трандхеймс-фьорда, на западном побережье Норвегии. Несмотря на северные широты, климат норвежского побережья относительно мягок из-за Гольфстрима, теплого атлантического течения, и потому земледелие здесь возможно даже за Полярным кругом. На защищенных южном и восточном берегах Трандхеймс-фьорда почвы одни из самых плодородных в Норвегии, и земледельцы селились там уже в 2800 г. до н. э. Затем Пифей двинулся дальше на север, и его наблюдения явно свидетельствуют о том, что он пересек Северный полярный круг. Пифей утверждал, что в одном дневном переходе к северу от Фуле море сковано льдом, хотя неясно, видел ли он это своими глазами или пересказывал сообщения других мореплавателей.

Посетив Фуле, Пифей двинулся на юг исследовать Балтийское море, в которое, скорее всего, прошел через Скагеррак, Каттегат и какой-то из проливов между островами Датского архипелага. Пифей посетил некий остров Абалус, на берегах которого собирали янтарь. Камень огненного цвета, полупрозрачная окаменевшая смола, янтарь тысячами высоко ценился в Средиземноморье не только за красоту, но и за электростатические свойства, казавшиеся волшебными: по-гречески янтарь назывался *электрум*, это он подарил нам слово «электричество». О происхождении янтаря ходили разные мифы, и Пифей был первым, кто установил истину. В Абалусе опознавали датские острова Зеландию и Борнхольм, Земландский по-

* Пер. Г. А. Стратановского.